

Содержание

От автора

Глава I. Италия — родина Возрождения

Глава II. Новые люди

Глава III. Основные черты Возрождения

Глава IV. В преддверии Ренессанса

Глава V. Начало гуманизма

Глава VI. Столетие поисков и открытий

Эпилог. Человек и вселенная

От автора

Возрождение — одна из самых блистательных эпох в истории европейской культуры. Деятели Ренессанса, расшатывая устои средневекового миропонимания, возвестили о величии разума человека, его способности к познанию, преобразованию самого себя и окружающего мира, о гармонии телесного и духовного. С присущей им смелостью мысли они начали освобождение человека из-под гнета церковной догмы. Оставаясь людьми религиозными, они по существу секуляризировали религию: место бога как центра вселенной занял человек. Возрождение выработало духовные и культурные ценности, значение которых не уменьшилось на протяжении последующих столетий, — ценности, близкие и сознанию человека XX в.

Исследование Возрождения связано со многими трудностями: его хронологические рамки, отдельные стадии в его развитии, даже само понятие «Возрождение» — все это до сих пор служит предметом дискуссий. Однако именно благодаря дискуссиям углубляется понимание удивительного феномена Возрождения, открываются новые его аспекты; связь между Ренессансом и породившей его средой оказывается более сложной, чем полагали ранее. Сейчас большинство ученых согласно с тем, что Возрождение не являлось ни завершением средневековой, ни началом культуры нового времени, а представляло собой переходный тип культуры, качественно отличавшийся от той и другой, — отсюда его неповторимость и своеобразие. И в то же время оно питалось как античной, светской по своему содержанию, так и средневековой, христианской культурой. Свою связь с античностью признавали и всячески подчеркивали сами деятели Возрождения; связь со средневековьем они решительно отвергали. Последнее естественно: они сознательно ставили перед собой задачу обосновать свое миропонимание, а для этого надо было показать, что вся непосредственно предшествовавшая им культурно-историческая эпоха со свойственными ей взглядами и понятиями — нечто, совершенно чуждое их собственному времени, — времени, которое, по их глубокому убеждению, творят они сами.

Культура Возрождения, во многом преобразовавшая в XVI в. духовный облик Европы, возникла в Италии во второй половине XIV в. В книге рассматривается Раннее Возрождение — время формирования гуманизма, составлявшего идейную основу культуры Возрождения, ее мировоззренческое содержание.

Структура книги обусловлена следующими соображениями. Сама проблема возникновения нового мировоззрения очень сложна. Чтобы осветить ее, надо прежде всего выявить специфические черты городской цивилизации в Италии. Порожденный этой цивилизацией психологический климат эпохи, изменившееся видение мира горожанами XIV — XV вв., отражение в их сознании реальной действительности — все это необходимо понять, чтобы стала яснее непростая и

неоднозначная связь между материальной деятельностью людей, социальной психологией и культурой. Именно в среде горожан жили и творили гуманисты, воспринимавшие ее социальные импульсы и перерабатывавшие их в политические теории, философские учения, целостную систему идей, которая отнюдь не сводилась к стихийно складывавшемуся взгляду на мир горожан.

Для того чтобы создать представление о Возрождении, необходима общая характеристика гуманистического мирозерцания и ренессансной культуры в их главных аспектах. Однако такой методический прием, выигрывая в широте, проигрывает в другом отношении: он не дает возможности раскрыть динамику формирования нового видения мира. Поэтому столь важен конкретный анализ отдельных стадий в развитии раннего гуманизма, позволяющий проследить, как постепенно рвались нити, связывавшие первых гуманистов со средневековьем, и изменялось само их восприятие христианства, складывались новый взгляд на человека и иные ценностные критерии, стремление подняться до высот античной культуры сменилось стремлением превзойти ее, иными словами, как путем медленного, подчас мучительного преодоления традиций создавалось ренессансное отношение к миру.

У истоков гуманизма стоит Данте Алигьери. В его произведениях (в особенности в «Божественной комедии») унаследованные от средних веков представления искажаются, ибо сквозь них пробиваются ростки нового миропонимания. Основателем гуманизма с полным правом считается Франческо Петрарка (и в этом ученые XX в. согласны с почитателями Петрарки XIV — XVI вв.). Творчество Петрарки составляет первый этап в становлении новой культуры. Следующий этап охватывает приблизительно столетие — от 70-х годов XIV в. до 70-х годов XV в.: в 1374 г. умер Петрарка, а в 1375 г. канцлером Флорентийской республики становится глава второго поколения гуманистов Колуччо Салютати. В рамках гуманизма выделяются разные направления мысли, философские учения, но все их объединяет то, что они трактуют комплекс проблем, связанных с человеком: его достоинство, его душевную и телесную природу, его место в обществе и отношение к окружающему миру. Смерть Леона Баттиста Альберти (1472) — последнего представителя «гражданского гуманизма» — знаменовала собой окончание данного периода. Гуманизм выкристаллизовался как целостная система идей.

В этой системе переосмысливаются главные категории культуры: этические нормы, восприятие времени и пр.

Какова же связь между ранним гуманизмом и его дальнейшим развитием? Решив главный вопрос о самоценности человека, преодолев средневековый дуализм души и тела и заменив его гармоническим единством, он сделал тем самым возможным переход в последние десятилетия XV в. к зрелому гуманизму (о котором пойдет речь в эпилоге). Без ранней стадии гуманизма не было бы и натурфилософии XVI в., не было бы и высокого искусства, насыщенного идеями, порожденными XIV и XV столетиями.

Италия — родина Возрождения

Возрождение сформировалось ранее всего в Италии в силу особенностей ее развития.

После падения Западной Римской империи, когда в большинстве стран Европы города лежали в развалинах, в Италии античная жизнь не пресеклась. Не погибла полностью и городская цивилизация. От римской эпохи сохранились многие ремесленные приемы (например, искусство чеканки монеты), торговые навыки, отдельные корпорации ремесленников (кожевников, мыловаров и др.), остатки муниципальных учреждений, ряд общественных и частных зданий, мосты, дороги и пр. Однако лишь с середины VIII в., после преодоления Италией глубокого упадка, эти устойчивые античные традиции стали оказывать заметное влияние на развитие социального строя, материальной и духовной культуры. Выгодное географическое положение полуострова, расположенного в центре средиземноморских путей, также способствовало начавшемуся в IX — X вв. возвышению городов. С XI в. они вступили в полосу расцвета. Вывезенными с Востока шелковыми тканями, изысканными ювелирными изделиями, пряностями, благовониями венецианские, генуэзские и пизанские купцы снабжали всю Европу. Но и изделия итальянских ремесленников: кольчуги и оружие Милана, шелка Лукки,

великолепные стеклянные сосуды Венеции, тонкие ярко окрашенные сукна Флоренции — славились далеко за пределами страны. В XIII в. появились первые большие купеческие компании, которые занимались одновременно кредитными операциями не только в Италии, но и к северу от Альп. Население городов быстро росло. Во Флоренции за 130 лет (с 1200 по 1330 г.) число жителей увеличилось в 9 раз: с 10 тыс. до 90 тыс. Еще крупнее был Милан. /7/ Хронист Бонвессино делла Рипа в книге «О чудесах города Милана» (1288) с восторгом перечисляет: в городе имеется 12 500 домов и 200 тыс. жителей, 60 сводчатых галерей, 200 церквей, 10 госпиталей, 300 пекарен, 1000 таверн, 150 гостиниц, 40 переписчиков книг, 440 мясников.

С ранним экономическим возвышением городов Северной и Центральной Италии было связано их превращение в конце XI — XII в. в вольные города-коммуны, являвшееся результатом упорной и успешной борьбы усилившихся торговцев и ремесленников — пополанов (от итальянского «popolo» — «народ») с сеньорами. Наряду с этим на протяжении XII столетия города ведут наступление на буйных феодалов контадо (округи радиусом 15 — 20 км), представлявших для них источник постоянной опасности. Феодалные замки разрушались, часть земель отбиралась, а самих феодалов заставляли переселяться в города. Господство городов утвердилось таким образом на большей части Италии, что было совершенно необычным для других стран Запада. В то же время самые крупные из них, не довольствуясь подчинением себе контадо, приступили к завоеванию соседних более слабых коммун. Так, начиная с XII в. образовывались города-государства — Милан, Равенна, Флоренция, Пиза, Лукка и др. «Почти вся эта земля, — пишет об Италии в середине XII в. немецкий хронист Оттон Фрейзингенский, — разделена на государства; каждое из них принуждает жителей своей области подчиняться себе, и едва ли можно найти какого-нибудь знатного или могущественного человека, столь честолюбивого, чтобы он не подчинялся власти своего государства»¹.

Внутри городов шла острая борьба за власть между пополанами и нобилями (дворянами), которая завершилась во Флоренции и большинстве других городов победой пополанов. Феодалный строй претерпел радикальную трансформацию. Болонья и Флоренция, Пистойя, Перуджа и Парма в XIII в. особыми актами освободили значительную часть крепостных округи — явление, невиданное в Западной Европе.

Сходство экономической жизни и политического устройства итальянских коммун не привело к их объединению. Напротив, соперничество городов, занимавшихся посреднической торговлей между Востоком и Западом, влекло за собой постоянные столкновения, подчас весьма острые.

---

¹ Ottonis episcopi Frisingensis et Rahewini Gesta Frederici seu rectius Cronica, II, 14. Berlin, 1965, S. 308.

/8/

Конфликты вспыхивали и из-за мелких городов, удобных пристаней, торговых путей. Так закрепилась раздробленность Италии.

Правда, центростремительные тенденции в Италии все же имелись. Они проявлялись, в частности, в том, что города объединялись, когда над ними нависала серьезная угроза чужеземного порабощения. Но созданная во время походов германского императора Фридриха I Барбароссы Ломбардская лига (1167), возродившаяся при Фридрихе II (в 1226 г.), каждый раз распадалась, едва угроза исчезала. Возникали и более стабильные связи: в стране усиливались внутренние экономические сношения, преодолевавшие таможенные преграды между городами-государствами. Некоторые города заключали между собой союзы или соглашения, предусматривавшие единство монетной системы и безопасность торговых путей. Итальянцы нередко переселялись в другие города; иногда такое переселение вызывалось их изгнанием из родного города, где власть захватывали политические противники. Все это способствовало укреплению связей между городами. Тем не менее центробежная тенденция неуклонно, столетие за столетием, одерживала верх над объединительной. Гегемонии одного из крупнейших городов другие города не потерпели бы из опасения, что она ущемит их интересы, а условия для возвышения королевской власти, являвшейся в ту эпоху на Западе объединяющим фактором, в Италии не сложились.

В XIV в. в передовых городах Италии, по-прежнему остававшейся самой богатой и цветущей страной Европы, зародились капиталистические отношения. Главным их центром была Флоренция, где в 30-х годах XIV в. насчитывалось 200 — 300 сукнодельческих мастерских мануфактурного типа. Их владельцы извлекали крупные прибыли. «Нери ди Бонаккорсо, наш отец, — пишет автор домашней хроники Бонаккорсо Питти, — нажил большое состояние в цехе Лана (сукноделов. — М. А.); бывало, что он выпускал в год 11 сотен кусков, из которых большую часть посылал в Апулию; он очень рьяно занимался этим ремеслом. Он устроил так, что в наш дом поступала французская шерсть, а от нас выходили готовые сукна»². Примерно четверть всего населения Флоренции XIV в. была так или иначе связана с выработкой сукон. Со второй половины этого столетия, когда объем сукноделия сокращается, капиталистический характер приобретает в городе и производство шелковых тканей.

---

² Питти Бонаккорсо. Хроника, Л., 1972, с. 12.

/9/

Элементы раннего капитализма, хотя и в менее развитой форме, появились также в шерстяном производстве Сьены, Лукки, Болоньи, судостроении Венеции и Генуи, горных разработках Тосканы. Эти отношения отличались значительным своеобразием. В промышленность вкладывали часть накопленных средств крупные торговые компании, одновременно ссужавшие деньги под проценты. Так, крупнейшие флорентийские компании Барди и Перуцци, торговавшие сукнами и другими товарами и занимавшиеся в огромных масштабах банковской деятельностью, являлись одновременно членами сукнодельческого цеха Ка-лималы. Соединение в руках тех же дельцов или компаний торговой, промышленной и банковской функций — характерная черта этого времени. Таким образом, ранне-капиталистическая мануфактура — лишь один из компонентов, хотя и весьма важный, экономической жизни крупного средне- или североитальянского города. Она была порождена общим высоким уровнем экономики и вместе с тем определяла этот уровень. Тем не менее в экономике неизменно преобладали торговая и ростовщическая деятельность, достигшие невиданного доселе размаха. Достаточно перечислить места, в которых находились филиалы компании Барди: 12 городов Италии и Сицилии, Лондон, Брюгге, Париж, Марсель, Авиньон, Барселона, Севилья, Майорка, Константинополь, Иерусалим, Кипр, Родос и Тунис.

Члены таких домов в молодости сами принимали участие в далеких путешествиях. Путешествие Марко Поло в XIII в. в Китай, столь поразившее его современников, теперь уже не вызвало бы удивления: купцы неоднократно посещают Китай, Индию и Персию. О масштабах торговли свидетельствует и ассортимент товаров. Например, у венецианского купца XIV в. Пьетро Соранцо на складах или в пути находились следующие принадлежавшие ему товары: перец, гвоздика, мускатный орех, шелк-сырец, кожи, олово, свинец, железо, сахар, мед, воск, жемчуг.

Разумеется, торговля могла привести и к разорению купца. «Надо быть очень осторожным, особенно при сборе денег, ибо положение купца таково, что он всегда подвержен бесчисленным опасностям», — замечает анонимный флорентийский автор трактата о том, как вести торговлю (середина XIV в.)³.

---

³ Social and Economic Foundations of the Italian Renaissance / Ed. by A. Molho. New York; London, 1969, p. 55.

/10/

Барди и подобные им компании предоставляли займы королям, церкви, магнатам, рыцарям, горожанам, брали на откуп сбор папских доходов, получая баснословные прибыли, но и подвергаясь немалому риску. Так, отказ английского короля Эдуарда III вносить платежи по займам явился одной из причин банкротства в 40-х годах XIV в. компаний Барди и Перуцци, отразившегося на экономике всей Италии.

Итак, смелость и осторожность, деловая хватка и расчетливость, разносторонние знания и широкий кругозор, «гибкость и умение быть дипломатом — таковы качества, которые были необходимы для купца, банкира, предпринимателя и тем более — человека, совмещавшего разные виды деятельности. Стремясь подыскать себе занятие, сулящее наибольший успех, эти люди отправлялись в путешествия на Восток, связанные с серьезными опасностями, но и привлекавшие возможностью быстро разбогатеть, предпринимали все более обширные финансовые операции. Церед небогатыми пополанами, жившими в самой гуще динамичной жизни итальянского города, открывались заманчивые перспективы. Разумеется, разбогатеть удавалось лишь немногим, но важна была сама возможность поставить перед собой такую цель и попытаться помериться силами с изменчивой фортуной. Горожане становились свидетелями сказочно быстрого возвышения некоторых семейств. Старьевщик Джованни Годжо стал процветающим купцом, нажившись на сбыте в Неаполе флорентийских сукон, а во Флоренции — южноитальянского зерна. Бенедетто ди Гуччо ди Дженнайо, внук булочника, переселившись из маленького городка во Флоренцию, сумел позднее вступить в цех богатых сукноделов — Лапа и в 1332 г. стать членом флорентийского правительства.

Особую известность получила судьба Франческо ди Марко Датини. Он родился в Прато (около Флоренции) в 1335 г. в семье трактирщика. После того как «черная смерть» — чума унесла в 1348 г. его родителей, Франческо, располагая лишь небольшой суммой денег, имея дом и участок «земли, явился в папскую столицу Авиньон. Торговля оружием, которым он снабжал пап и кондотьеров, принесла ему богатство. Его возвышению на социальной лестнице помог брак с Маргаритой Бандини, происходившей из старинного флорентийского рода.

/11/

Возвратившись в 1383 г. на родину, Датини стал расширять масштабы своих операций, основав в Прато сукнодельческую мануфактуру и во Флоренции — банковскую компанию с филиалами в разных странах. Торговые и банковские связи компании Датини поражали своим размахом: они включали десятки французских, итальянских, испанских, немецких городов, страны Северной Африки и города Северного Причерноморья. Так новые семьи соперничали и иногда брали верх над старыми купеческими родами.

Успех был возможен не только в сфере материальной: сложный клубок политических противоречий разрешался. В каждом городе борьбой между пополанами и нобилиями (впрочем, постепенно сближавшимися между собой), гвельфами (сторонниками папства) и гибеллинами (сторонниками империи) и другими группировками, причем состав партий и соотношение сил между ними беспрестанно менялись. Несмотря на риск, многие горожане принимали активное участие в политической жизни. Круг лиц, причастных к управлению коммуной, был сравнительно широк: во Флоренции, например, в конце XIV — начале XV в. насчитывалось более 3 тыс. должностей в различных органах управления, причем занимавшие их лица регулярно переизбирались. Поэтому все, принадлежавшие к городской верхушке, занимали те или иные должности. Бонаккорсо Питти замечает, что один из его родственников, Пьеро, «в течение своей жизни... исполнял всевозможные почетные должности, как внешние, так и внутренние, был два раза приором и один раз гонфалоньером справедливости»⁴. Сам Бонаккорсо также занимал ряд высших постов, в том числе один раз в приорате. Но личные качества также нередко позволяли выдвинуться и получить доступ к власти. Подчас людям честолюбивым, энергичным и талантливым, хотя и небогатым, удавалось достичь влиятельного положения в родном городе или за его пределами.

Политические и экономические интересы горожан тесно переплетались: содействовать, будучи членом правительства, возвышению, а подчас и территориальной экспансии городской республики было небесполезно и в хозяйственном аспекте: это расширяло кредитные, торговые, предпринимательские возможности горожан, в первую очередь тех, кто стоял у власти.

---

⁴ *Питти Бонаккорсо*. Указ. соч., с. 12. Одним из высших органов Флоренции того времени была коллегия приоров, а их главой — гонфалоньер справедливости.

/12/

Флорентийский делец Донато Веллутти с почтением описывает в «Домашней хронике» одного из членов своей семьи: «Названный Филиппо ди Бонаккорзо... был достойным и мудрым человеком... Много раз был приором и имел большое состояние в коммуне и был крупным купцом, всеми был любим, весьма мудр и хитер и всегда хорошо выполнял поручения коммуну»⁵.

Однако не всем богачам политическая карьера казалась столь уж привлекательной. «Не пренебрегайте вашими собственными делами из-за общественных, — пишет сыновьям богатый флорентийский популан первой половины XV в. Джованни Ручеллаи, — ибо тот, у кого недостаток в доме, еще меньшего достигнет вне его. Общественные дела, честно выполняемые, не удовлетворяют нужд семьи, и публичные почести не могут ее прокормить. Добейтесь уверенности в том, что ваше частное состояние сохранится в целостности, так что вам будет хватать на обеспечение своих потребностей»⁶. Подобного взгляда придерживались и некоторые другие деловые люди, но полностью отстраниться от должностей во флорентийском аппарате управления лицам, принадлежавшим к господствующему слою населения, очевидно, не представлялось возможным. «Похоже, что он отказывался от тех общественных должностей, от которых можно было отказаться. Я сам помню, как он... отказался стать знаменосцем компании», — пишет о своем отце Бонаккорсо Питти⁷.

Впрочем, возможность принимать участие в управлении для богатых и отчасти средних популанов постепенно сужалась по мере того как происходила трансформация строя вольных коммун в Северной, а позднее Центральной Италии в синьории, или тираннии. Эта трансформация, начавшаяся в середине XIII в., в основном произошла в XIV столетии, а во Флоренции — в XV в. (республиками с олигархическим строем оставались Венеция и Генуя). Конкретные экономические и политические обстоятельства, особенности социальной структуры городского общества обусловили разнообразие типов синьории: некоторые тираны опирались на богатых купцов и предпринимателей, другие — на нобилей или же лавировали между разными группами городского населения. При возвышении тирана старые республиканские учреждения, как правило, сохранялись, хотя их значение резко уменьшалось.

---

⁵ Цит. по: *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. Л., 1947, т. I, с. 243-244.

⁶ *Social and Economic Foundations of the Italian Renaissance*, p. 200.

⁷ *Питти Бонаккорсо.* Указ. соч., с. 12.

/13/

«Можно сказать, что душа итальянской коммуну — свободолюбие и патриотизм ее граждан, их вековой республиканизм и ее стержень, ее сердцевина — ремесло и торговля — продолжают оказывать значительное влияние на экономическую и политическую жизнь тираннии... Коммуна, ее учреждения, ее традиции не гибнут внезапно и до конца»⁸. Это относится даже к таким городам, как Милан при Висконти или Сфорца, Римини при Малатеста или Феррара при Эсте, где синьоры стояли во главе государства вполне официально, а члены многих богатых и знатных родов превратились в их придворных. Еще шире был круг Лиц, служивших опорой дома Медичи, члены которого не занимали формально никаких высоких должностей во Флоренции. Так, Козимо, фактически правивший Флоренцией с 1434 г. до 1464 г., опирался на более широкие круги «жирного народа», чем стоявшая до этого у власти олигархия. Впрочем, когда в середине 50-х годов, во время вспыхнувших в городе распрей, Козимо допустил некоторое расширение политических прав горожан и, как сообщает Макьявелли, «все граждане вообразили, что им возвращена свобода»⁹, поддерживавшие Козимо круги богатых популанов, еще не забывшие грозного народного восстания чомпи, испугались чрезмерной демократизации управления. «Знатные горожане объединились и явились к Козимо просить, чтобы он соблаговолил вырвать как их, так и себя самого из-под власти простого народа и вернуть государство в то состояние, при котором он был у власти, а они в почете»¹⁰.

Эти круги не просто «находились в почете» при Козимо и Лоренцо Великолепном (1469 — 1492): именно они занимали места в советах и других учреждениях. Но своеобразие обстановки, в которой создавалась культура Возрождения, определялось и тем обстоятельством, что в известной степени доступ в эти учреждения был открыт также способным выходцам из средних и даже низших слоев популанов; индивидуальные качества по-прежнему помогали человеку строить

собственную судьбу. Не следует забывать и того, что даже тираны во многом своей властью обязаны были самим себе: честолюбию, сильной воле, военному таланту, изворотливости, пронизательности. Единоличным правителем города мог стать удачливый подеста, «капитан народа», кондотьер (например, Сфорца), представитель знатного рода (Висконти, Эсте), богатый купец, предприниматель, банкир (Петруччи в Сьене, Бальоне в Перудже, Медичи).

---

⁸ Рутенбург В. И. Итальянские коммуны.— Введение к кн.: Итальянские коммуны XIV— XV вв.: Сб. документов. М.; Л., 1965, с. 14.

⁹ Макьявелли Никколо. История Флоренции. Л., 1973, с. 262.

¹⁰ Там же, с. 262—263.

/14/

Путь к власти мог быть длительным и трудным или коротким: заговор, завоевание города, интриги и пр. Не менее необходимы были качества, присущие «сильной личности», и для того, чтобы удержаться у власти.

В XV в. в экономической жизни некоторых областей Северной и Средней Италии обнаружились первые признаки застоя. Но и тогда перед богатыми, а реже — небогатыми горожанами, возмещавшими недостаток капитала предприимчивостью и способностями, открывалась соблазнительная перспектива материального успеха.

Итак, в Италии сложилась обстановка, благоприятная для Возрождения не только вследствие появления в отдельных центрах ранней буржуазии, но и потому, что Северная и Центральная Италия в целом достигла того весьма высокого экономического, социального и политического уровня, для которого характерно появление в отдельных передовых городах Апеннинского полуострова элементов капитализма. Именно на этой ступени развития городского хозяйства, структуры общества, цивилизации создаются социальные и психологические предпосылки, необходимые для скачка — разрыва с феодальной системой идей и рождения качественно иных духовных ценностей. Не случайно раннебуржуазная Флоренция стала главным очагом Возрождения. Но столь же закономерно и то, что новая культура складывалась и в других городах Италии, даже там, где не было зачатков нового способа производства — в Равенне, Римини, Неаполе, папской столице Риме и др.

Новые Люди.

Новые условия жизни и деятельности горожан меняли и их отношение к основным проблемам человеческого бытия — его смыслу, цели, нормам поведения человека в обществе. Горожане бессознательно ломали рамки традиционной феодально-церковной системы идей, характерной для средневекового западноевропейского общества.

В основе христианского отношения к миру лежало представление о дуалистической природе человека, тело которого создано богом из земли, а душа причастна к божественному. Койечной целью человеческого существования является спасение души. Первородный грех, совершенный Адамом и Евой, лишил человека бессмертия, так как печать этого грехопадения лежит на всех поколениях людей: тело каждого человека непрерывно подвергается искушениям, а воля тяготеет к греху. «Плоть и кровь, — говорится в Новом завете, — не могут наследовать царствия божия» (Первое послание апостола Павла к коринфянам, 15, 50). Плоть находится в постоянном противоборстве с душой, которую вдохнул в нее бог. Земное бытие — лишь юдоль скорби и страданий, тернистый путь, который предстоит пройти человеку, чтобы обрести после смерти, если он будет спасен (поскольку Христос своей смертью искупил грехи людские), вечное райское блаженство. Это спасение ему может быть даровано главным образом с помощью церкви, уделяющей верующему посредством таинств частицу божественной благодати, и в меньшей

степени вследствие собственных усилий человека — так называемых добрых дел. Бог и мир диаметрально противоположны: для того чтобы приблизиться к богу, надо уйти из мира.

Таким образом, все земное: плотские радости, чувства рассматриваются как нечто низменное, телесный мир — как царство зла. Нравственно совершенным считается /16/ аскет — человек, подавляющий чувственные влечения и эмоции, умерщвляющий плоть постом и физическими лишениями, отрекшийся от земных благ. Отсюда и средневековая концепция богатства как источника всех зол, нравственного падения людей. Заповедь бедности лежала в основе уставов монашеских орденов, а монахи должны были, подражая в своей жизни Христу и апостолам, служить примером мирянам. Один из «отцов церкви», Августин, писал в V в.: «Богатыми мы называем людей добродетельных, справедливых, для которых деньги не имеют значения... Бедными же мы называем людей жадных, которые вечно стремятся к приобретению...»¹. Этот идеал бедности и аскетизма был унаследован от времен раннего христианства (хотя на практике давно уже не осуществлялся).

Разумеется, духовенство не могло требовать от светских лиц отречения от имущества, тем более что сама церковь являлась крупнейшим собственником в средневековой Европе и надежной опорой феодального строя. Поэтому отношение церкви к богатству было противоречивым. Согласно церковной этике средневековья доходы не должны были превышать суммы, необходимой для того, чтобы вести жизнь, которая достойна данного человека и соответствует месту, занимаемому им в обществе (а это место определено ему богом). Тем самым обосновывалось право феодалов на богатство, с той лишь оговоркой, что во имя спасения души небольшую часть его следовало уделить нищим, давая им милостыню. Проповедники обличали стяжательство и жадность, но их негодование преимущественно обращалось не против сеньоров, а против купцов и ростовщиков. Церковь разработала учение о «справедливой цене», превышать которую греховно, и о бесплодности отдачи денег в рост («деньги не могут рождать деньги»), осуждая с этих позиций ростовщичество. В XI — XII вв. ростовщические операции неоднократно порицались на вселенских соборах².

Проповедь сословного характера богатства не являлась случайной. Религиозная доктрина имела целью увековечить ту общественную пирамиду, вершину которой составлял класс светских и церковных феодалов. Одним из аргументов в пользу ее незыблемости была ссылка на метафору, приписывавшуюся апостолу Павлу: согласно воле божьей общество уподоблено человеческому телу и

---

¹ Творения бл. Августина, епископа Иппонийского. Киев, 1880, с. 356.

² Правда, по мере роста в Европе денежного хозяйства вообще и поступлений в курию в частности сама церковь, создавшая сложную финансовую организацию и использовавшая банкиров в качестве агентов по сбору доходов, была вынуждена смягчить свое осуждение ростовщичества. В особенности это относится к проповедникам в Италии — центре международного кредита. Однако в основном богословы по-прежнему придерживались старых этических норм.

/17/

отдельные социальные группы — разным телесным органам, выполняющим различные функции: крестьянам надлежит трудиться, чтобы производить все, необходимое для жизни, дворянам — воевать, дабы защищать общество, а духовным лицам — молиться во имя спасения людей.

Слой горожан занял в этой феодальной структуре подчиненное место как часть третьего, низшего, сословия. Рыцарская доблесть ценилась несравненно выше добродетелей скромного и трудолюбивого ремесленника. Каждому, таким образом, предназначалось особое место, и попытка изменить свое положение, перешагнуть через жесткие границы, отделявшие третье, податное, сословие от высших, рассматривалась церковью как нарушение порядка, установленного божественным провидением. Каждый индивид должен руководствоваться нормами поведения, обусловленными его положением. «То, что подобает и пристойно одному, является порочным для другого», — говорил проповедник XV в. Бернардино Сьенский.

В период расцвета феодализма сословная иерархия оставалась незыблемой, ибо она соответствовала уровню развития общества. Более того, в рамках каждого сословия существовал ряд обособленных мирков, порожденных самой спецификой феодального строя. Такими мирками были крестьянские общины, ремесленные цехи, купеческие гильдии, корпорации врачей, аптекарей, нотариусов и пр.

В рамках третьего, сословия могучим стимулом, толкавшим людей одного статуса, одного занятия к сплочению, была ограниченность экономических возможностей, трудности существования. Происхождение, как правило, предопределяло выбор занятия, основное направление жизненного пути человека. Человек вступал на жизненное поприще уже в качестве члена определенной группы. Таким образом, его судьба гораздо больше зависела от внешних обстоятельств, чем от него самого, от его личных качеств. Повседневная практическая деятельность горожанина, причем не только производственная, но и его быт, регламентировалась мелочными уставами и неписаными нормами. Каралось любое отклонение от стереотипа поведения. Сама система взглядов человека, отношение к разным этическим категориям, «его духовная жизнь находилась под бдительным контролем не только церкви, но и той социальной группы, к которой он принадлежал

/18/

(хотя и неправомерно говорить о полном поглощении индивида обществом). «Корпоративность общественной жизни в средневековой Европе препятствовала развитию человеческой индивидуальности, сковывая ее инициативу, лишая ее возможности искать новых путей жизни, подчиняя сознание единицы коллективному сознанию группы»³.

В Италии в силу ее социальных и экономических особенностей светские черты в идеологии издавна были выражены сильнее, чем в других регионах Европы. В стране, где феодализм коренным образом трансформировался в результате усиления городов и подчинения им феодальной знати, горожане почувствовали себя хозяевами жизни, а не приниженным сословием. В сущности господство традиции, авторитета, догмы никогда не ощущалось итальянскими горожанами в такой степени, как в других европейских странах. Бурная жизнь итальянского города, происходившие в нем экономические и социальные перемены уже в XI — XIII вв. ослабляли, а затем разрывали узкие рамки сословий и внутрисословных корпоративных объединений, постепенно освобождали людей от бесчисленных ограничений и запретов, сковывавших их в предыдущую эпоху. Для горожанина становилось неприемлемым пассивное следование по традиционному пути, унаследованному от предков. Кругозор итальянцев, связанных в XIV — XV вв. интенсивной деятельностью со многими странами мира, еще более расширяется. Их жизненная практика вступает в непримиримое противоречие с идеологией аскетизма вообще, со средневековой концепцией богатства, исходящей из представления, что накопление средств является занятием, недостойным доброго христианина, в частности. Флорентийский купец среднего достатка Паоло да Чертальядо, написавший в 60-х годах XIV в. «Книгу о добрых обычаях», наставляет деловых людей: «Непрестанно прилагай всяческие старания и стремись к наживе и не говори: если я сегодня и обретаюсь в этом мире, меня не будет здесь завтра, и я не хочу оставить после себя большое состояние, потому что у меня нет детей, мои родители не питают ко мне любви и они [по своей натуре] таковы, что, ежели я оставлю им целый город, они за короткое время расточат, изничтожат и промотают его. Ибо ты не знаешь, долго-ли будешь жить, и не ведаешь своей судьбы. В самом деле, я видел, как прославленные короли, знатные сеньоры, богатые горожане и купцы еще при жизни теряли свое имущество и жили в нужде»⁴.

---

³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 172.

⁴ Цит. по: *Bec Ch. Les marchands écrivains. Affaires et humanisme à Florence. 1375— 1434. Paris, 1967, p. 103-104.*

/19/

Предприимчивым пополанам была свойственна жажда обогащения. Чертальядо убежден в том, что за свое имущество надо бороться, так как оно является предметом вождения всех окружающих, и его труднее сохранить, чем свободу или женщин⁵.

Разнообразие типов дельцов, далеко не всегда скупых, нередко понимающих толк в радостях жизни, порой образованных и увлеченных искусством, отличавшихся сильным характером и бурным темпераментом, — характерная черта Италии этого времени. Необычайно колоритна фигура купца авантюристического склада Бонакcorso Питти, выходца из старинного флорентийского купеческого рода. В 1375 г., 18 лет от роду, «желая странствовать по свету и искать своего счастья»⁶, он предпринял свое первое путешествие. Бонакcorso мечтал не только о наживе. Расчетливый делец, человек, сумевший разбогатеть и занимавший видные посты во флорентийской синьории, он в то же время — азартный игрок, порой проигрывавший целые состояния. В его хронике упоминания об удачных торговых и ростовщических сделках, покупках домов и земель перемежаются рассказами о путешествиях, дипломатических поручениях, которые он выполнял весьма успешно, необычайных приключениях, когда не раз ему удавалось избежать гибели лишь благодаря своей смелости и удачливости. Отчасти из-за своего неумолимого стремления к странствиям он много раз бывал в Париже, посещал Англию, объездил Нидерланды и Германию. Он гордится этими путешествиями и в заключительной части хроники дает длиннейший их перечень. Чувство собственной значимости не оставляет Бонакcorso, описывает ли он, как подверг себя смертельной опасности, отправившись в Рим по прихоти понравившейся ему дамы, как он, проиграв все деньги герцогу Брабантскому, не пал духом и тотчас принял участие в танцах во дворце, как он после вторжения англичан во Францию присоединился к бургундскому войску, «желая принять участие в столь важных событиях»⁷, и т. д. Даже при описании исторических событий, оказавших серьезное влияние на жизнь обществ ва, его личность неизменно остается на первом плане.

Формирование людей нового типа приходится в основном на бурное XIV столетие. Преобразование экономики положило начало свободной конкуренции.

---

⁵ Ibid., p. 105.

⁶ *Питти Бонакcorso*. Указ. соч., с. 27.

⁷ Там же, с. 51.

/20/

Предприниматель или купец оказывались одиночками в ожесточенной борьбе с соперниками. Перипетии политической жизни еще более осложняли их положение. В этих людях несгибаемая воля нередко сочеталась с неразборчивостью в средствах. С горечью пишет флорентийский нотариус Лапо Маццеи в 1400 г.: «В грустном мире, где мы живем, девятьсот из тысячи живут, как бараны, пригнув голову к земле, исполненные безумия и скверных мыслей... каждый зол, жаден, нечестив, высокомерен, завистлив, любит только себя, а если и высказывает любовь к другому, то по способу купцов: дай мне — и я тебе дам»⁸. Лейтмотивом «Воспоминаний» его современника, преуспевающего купца Джованни ди Паголо Морелли, являются слова: «Не доверяй кому бы то ни было — своему слуге, любой женщине или мужчине, которые находятся в твоём доме, будь то родственник или чужой». «Сто раз проверь друга или, вернее, того, кого ты считаешь другом, прежде чем ты ему доверишься»⁹. Чертальядо советует рассказывать о своих делах лишь немногим людям, на которых можно положиться, и самому не выказывать любопытства относительно чужих тайн¹⁰. В самом деле, в погоне за богатством пополан мог полагаться только на собственные силы. «Не занимайся торговым делом, если ты в нем не разбираешься, — говорит Морелли, — делай то, что ты умеешь, а всего остального остерегайся, дабы тебя не обманули»¹¹.

Кардинальные перемены претерпело в пополанской среде Италии отношение к богатым горожанам и их деятельности. «Флорентиец, который не является купцом, — утверждает один историк XV в., — который не путешествовал по свету, не видел чужие народы, а затем не вернулся во Флоренцию с состоянием, — это человек, не пользующийся никаким почетом»¹². Торговлю сукном в этом городе считали «благородной» — эпитет, который в других западноевропейских странах применяли тогда лишь в отношении дворянских занятий — охоты, турниров и пр.

Изменяется вся шкала религиозных и этических ценностей. Об этом красноречиво говорят стихи, написанные автором известной хроники, флорентийским купцом Дино Компаньи. В них дается совет, как следует вести себя купцу:

---

⁸ См.: Вопросы истории, 1962, № 12, с. 97.

⁹ *Morelli Giovanni di Pagolo. Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956, p. 232, 226— 227.*

¹⁰ См.: *Bec Ch. Op. cit.*, с. 106.

¹¹ *Morelli Giovanni. Op. cit.*, p. 226/

¹² Цит. по: *Gage J. Life in Italy at the Time of Medici. London; New York. 1968, p. 57.*

/21/

Быть честным и вести себя степенно,
Предвидеть все он должен непременно.
Все исполнять, что обещал, пусть тщится,
Изящным и красивым быть стремится.
Как требует торговля мировая,
Дешевле покупать, дороже продавая.
Любезным быть, не гневаться напрасно,
Ходить во храм, на бедных не скупиться.
Что дорожает, продавать немедля,
Игры и роста всюду сторониться,
Совсем их избегая, сколько можно.
Счета писать так, чтоб не ошибиться ¹³.

Основные рыцарские добродетели: храбрость, мужество и стремление к подвигам, служение прекрасной даме — совсем не упоминаются, изящество и красота — отступают на второй план. Одной из главных добродетелей становится умение наживать, «дешевле покупать, дороже продавая». Джованни Морелли приступает к воспоминаниям с целью «воздать почести и похвалу доблестной, доброй и святой жизни как нас самих, так и потомков, которых господь дарует нам»¹⁴. Им движет также стремление показать «подлинно древнее происхождение» рода, к которому он принадлежит. Однако Морелли гордится своим родом не потому, что он знатен: его предки, поселившиеся во Флоренции примерно за 300 лет до его рождения, были людьми, не имевшими состояния. Некий Каландро занимался окраской сукон; его потомки, постепенно включая в круг своих операций также ростовщичество, сукноделие, торговлю, все более богатели «с помощью бога и благодаря своему немалому уму»¹⁵. С восторгом рассказывает Морелли об отце, многократно увеличившем имущество и достойном поэтому «высшей славы»: «...все его смелые, полезные, мудрые и добрые сделки... столь значительны и так искусно проведены, что мой ум не в состоянии уразуметь это», — заявляет он¹⁶.

Гордость звучит и в рассказе Бонаккорсо Питти о том, как он благодаря своей сметке оказался «весьма счастлив... в самых что ни на есть рискованных товарах, т. е. в лошадях и вине»¹⁷: купив в Париже 110 бочек бургундского вина и узнав вскоре, что в одну ночь вымерзли все виноградники Бургундии, он спешно отменил приказ управителю о продаже вина по обычной цене и продал его

---

¹³ Цит. по: *Гуковский М. А. Указ. соч.*, т. I, с. 218. Гуковский ошибочно приписывает стихи Пеголотти.

¹⁴ *Morelli Giovanni. Op. cit.*, p. 82.

¹⁵ *Ibid.*, p. 85.

¹⁶ *Ibid.*, p. 143.

¹⁷ *Питти Бонаккорсо. Указ. соч.*, с. 63.

позднее сам, повысив цену и заработав на этом 400 золотых франков. В глазах многих современников заслуживал уважения и человек, который приобрел или сохранил состояние посредством хитроумных уловок. Писатель и политический деятель XIV в. Франко Саккетти повествует, как «весьма предприимчивому купцу» удалось избежать обложения имущества налогом благодаря тому, что он распустил слух о своем разорении. «Я считаю его достойным вечной памяти, — заключает Саккетти, — как дельца, проницательного во всех отношениях»¹⁸. Это перекликается с откровенными рассуждениями Морелли о том, каким образом эффективнее уменьшить налоговое бремя: «Никогда не хвастайся большими доходами, большим богатством. Делай обратное: если ты нажил тысячу флоринов, говори, что [нажил] пятьсот... Не обнаруживай [их] своими расходами: если ты владеешь десятью тысячами флоринов, веди такой образ жизни, как если бы имел пятьсот, и показывай это своими словами, своей одеждой и одеждой своей семьи, образом жизни, слугами и лошадьми... Никогда не признавайся никому — ни родственнику, ни другу, ни компаньону». И далее: «Сетуй всегда на тяжесть налогов: говори, что ты не должен был бы платить и половины, что у тебя долги, большие расходы, обязательства, оставленные твоим отцом, что ты понес убыток в торговле»¹⁹.

В то же время у многих пополанов типичное для средневекового бюргера представление о скромном, соответствующем его положению образе жизни вытесняется жадной роскоши. С этой целью подчас заключаются выгодные браки. Алессандра Мачинги, вдова изгнанного в 1434 г. из Флоренции и потерявшего имущество Палла Строцци, в письме сыну с радостью сообщает об обручении своей дочери Катарини с богатым купцом, владельцем шелководческой мастерской Марко Паренти. Значительную часть письма составляет детальное описание подарков, сделанных Марко невесте; «так что когда она покинет дом, на ней будет наряд стоимостью более чем 400 флоринов». Само же отношение Катарини к предстоящему браку не интересует мать. «Я не знаю, довольна ли девушка», — замечает она мимоходом²⁰. Впрочем, целью брака могло быть также упрочение положения в обществе и продвижение по социальной лестнице. Бонаккорсо Питти пишет, как он «приехал во Флоренцию и решил здесь жениться.

---

¹⁸ Саккетти Франко. Новеллы. М.; Л., 1962, с. 222 (новелла 148).

¹⁹ Morelli Giovanni. Op. cit., p. 251, 252.

²⁰ Social et Economic Foundations of the Italian Renaissance, p. 203.

Зная, что Гвидо ди мессер Томазо ди Нери даль Паладжо — самый видный и уважаемый человек во Флоренции, решил я получить невесту из его рук, какую он захочет дать, лишь бы она была его родственницей»²¹.

Если же купец и остается верен идеалу бережливости, этот идеал утрачивает средневековое значение: к бережливости склонен нередко тот, кто хочет преуспеть в своем деле. «Прекрасная и великая наука — умение добывать деньги, — заявляет Паоло да Чертальядо, — но еще более прекрасным и великим свойством является умение расходовать их умеренно и там, где это требуется»²². Такого типа купец склонен к крайней осторожности во всем — не только в делах, но и в сфере политики, где всегда могли произойти неожиданные бури и пертурбации. Морелли предельно откровенен в поучениях: «...всегда общайся с теми, кто обладает властью в государстве, подчиняйся их воле и приказам. Остерегайся порицать их начинания и дела, даже если они дурные; храни молчание или отзывайся о них только с похвалой...». Более того: «...если кто-либо хотя бы намеком выскажется против тех, кто правит, не слушай и всячески избегай его»²³. Следует добавить, что это говорит не скромный торговец среднего достатка, а богатый и влиятельный купец, который несколько раз занимал во Флоренции политические должности, включая даже пост гонфалоньера справедливости (в 1441 г.). Для «делового человека» характерно стремление укрыться за стенами своего дома, когда в городе происходят народные волнения. Чертальядо остерегает читателя: «Не спеши выйти, если народ пришел в беспокойство. Оставайся дома и делай вид, что ты ничего не знаешь. Таким образом ты избежишь ссор и неприятностей и останешься в безопасности»²⁴.

В условиях острого экономического соперничества быстро нажитые состояния подчас еще быстрее исчезали. Поскольку правительства часто сменяли друг друга и их судьбы разделяли поддерживавшие их партии, многие богачи, связанные с потерпевшей поражение группировкой, приговаривались к изгнанию с конфискацией всего имущества. Такова была судьба Палла Строцци, которого гуманист Леонардо Бруни ранее называл самым счастливым человеком во Флоренции.

Эта невозможность предугадать будущее нашла свое выражение в представлении о фортуне, от которой зависит судьба людей.

---

²¹ *Pittini Bonaccorso*. Указ. соч., с. 57.

²² Цит. по: *Bec Ch*. Op. cit., p. 107.

²³ *Morelli Giovanni*. Op. cit., p. 275.

²⁴ Цит. по: *Bec Ch*. Op. cit., p. 107.

/24/

Фортуна, приносящая данному человеку счастье или несчастье, нередко выступает на передний план в хрониках, написанных купцами, и в их письмах. Джованни Ручеллаи пишет сыновьям: «Поистине очень трудно пускать в оборот деньги и сберечь их, и многое зависит от фортуны. Лишь немногие умеют распоряжаться ими [деньгами] при всех превратностях судьбы, во всех изгнаниях и падениях»²⁵.

Однако признание изменчивости фортуны не означало пассивного подчинения ей. Напротив, человек, в представлении итальянцев той эпохи, должен удвоить усилия и преодолеть все встречающиеся на его жизненном пути препятствия. Четко эту идею выразил Марко Паренти, который писал в 1459 г.: «Отважные люди не позволяют фортуне одолеть себя, но, побеждая ее, еще более увеличивают свое совершенство»²⁶. Так, если в христианской этике гордость (*superbia*) считалась одним из семи смертных грехов, отныне она рассматривается как дерзание, вера в способность подчинить себе судьбу. «Будь мудр и действуй хорошо, и ты обретешь все», — заявляет Морелли²⁷. Итальянский популан исполнен презрения к сословно-иерархическому строю средневековья; уважение ему внушают те, кто добился высокого социального престижа и накопил богатство благодаря личным качествам, деятельности, в которой он видит смысл жизни. «Человек рожден не для того, чтобы провести свою жизнь во сне, а для действия. Предприимчивость, рассудительность, память, разум и другие способности, которыми мы обладаем, даны нам не затем, чтобы мы ими пренебрегали, — поучает Ручеллаи сыновей. — Все мудрые люди согласны с тем, что человеческая природа предназначена для деятельности, так что человек поистине мера всех вещей»²⁸.

Так рождается индивидуалистическое сознание, давшее мощный импульс формированию идеологии Возрождения.

Религиозность сохраняет власть над умами. Однако в изменившемся мире богу остается меньше места. «Он говорил, что не следует так много смотреть на небо, ибо человек ступает по земле»²⁹, — рассказывает автор одной из фацетий (коротких рассказов) XV в. о флорентийском купце. «Все проистекает от бога, — пишет Морелли, — но в соответствии с нашими заслугами... господь желает, чтобы ты сам себе помог и достиг совершенства благодаря собственным усилиям».

---

²⁵ *Ibid.*, p. 311.

²⁶ *Ibid.*, p. 313.

²⁷ *Morelli Giovanni*. Op. cit., p. 177.

²⁸ Social and Economic Foundations of the Italian Renaissance, p. 199.

²⁹ См.: *Ves Ch.* Op. cit., p. 372.

/25/

Отношения с богом подчас приобретают деловой характер наподобие отношений с влиятельными людьми. Удачливость одного из своих предков Морелли объясняет тем, что «он никогда не терял времени, неизменно стремясь обрести любовь Создателя посредством милостыни и добрых дел, а также добиться дружбы людей хороших, состоятельных и могущественных»³⁰. У богатейшего Франческо ди Марко Датини страсть к накопительству сочеталась со страхом перед вечными муками в загробной жизни, которых он надеялся избежать с помощью широкой благотворительности. И все же секуляризация мышления заметна и у него: «Я больше уповаю на людей этого мира, чем на бога, и этот мир хорошо платит мне за это», — писал он жене³¹.

Впрочем, и традиционную веру купцы обращали себе на пользу. Ручеллаи рассчитывает на то, что бог поможет ему в его делах: «Я надеюсь на то, что бог дарует мне благосостояние, а также помощь и милость в моей торговле, — помощь и милость, о которых я полагаю, что они могут способствовать умножению моих доходов»³².

Поистине купеческой сделкой представляются взаимоотношения с богом Паоло да Чертальдо: «Ты будешь добрым юношей и угодным богу, и ты, несомненно, обретешь у Мадонны великие благодеяния на этом свете и на том»³³. На первом плане оказывается воздаяние, получаемое уже на земле, «на этом свете». Весьма красноречиво звучат в одном из купеческих писем конца XV в. слова: «Во имя бога и доброй удачи и прибыли»³⁴. Они почти совпадают с надписью, сделанной Датини на своих счетных книгах: «Во имя бога и прибыли»³⁵.

Все отчетливее купцы и предприниматели осознают мощь человеческого разума. Рационализм, свойственный пополам вообще и ранней буржуазии в особенности, был связан, в частности, со значительным подъемом материального производства. «Деловым людям» важно проникновение в суть событий, выяснение причинно-следственных связей между явлениями. Их дневники и домашние хроники свидетельствуют о стремлении раскрыть такие связи. «Всегда держи в уме, — пишет Чертальдо, — что когда ты захочешь что-либо сделать, [ты должен] обдумать и рассмотреть, чего ты этим достигнешь»³⁶. На накопленном подобными людьми и их предками опыте они основывают свою жизненную мудрость, практические правила поведения при разных обстоятельствах. Морелли убежден в том, что надо владеть умением предвидеть будущие дела и события; и все же полезно прислушиваться к советам старых, мудрых и опытных людей.

---

³⁰ *Morelli Giovanni.* Op. cit., p. 151; 149-150.

³¹ *Рутенбург В. И.* Три книги о Датини.— Средние века, 1965, вып. 27, с. 240.

³² См.: *Ves Ch.* Op. cit., p. 110.

³³ *Ibid.*, p. 276.

³⁴ *Ibid.*, p. 277.

³⁵ См.: *Рутенбург В. И.* Указ. соч., с. 234.

³⁶ Цит. по: *Ves Ch.* Op. cit., p. 327.

/26/

* * *

Деятельная жизнь горожанина изменила и его отношение к понятию времени.

В духовном мире средневекового человека понятия времени и вечности были тесно связаны между собой. В соответствии с выработанной средневековым сознанием «моделью мира» вечность представлялась сопричастной богу; она неизмеримо выше земного времени, которое является по сравнению с ней кратким мигом.

А перед вечным — это меньший срок,
Чем если ты сравнишь мгновенье ока
И то, как звездный движется чертог³⁷.

Поскольку земная жизнь находит свое оправдание лишь в конечной цели — загробном блаженстве (доступном, разумеется, только праведникам), время теряет самоценность; оно ощущается прежде всего как ожидание смерти, т. е. перехода из времени в вечность. Поэт XII в. Алан Лилльский сравнивает быстротечность жизни с коротким расцветом розы, являющей «нашей жизни и кончины точное подобие», для того чтобы настроить человека, «чадо тленья», на мысли о будущем:

Думой строгой и прилежной
Час кончины неизбежной
Рассмотри внимательно³⁸.

В этом представлении выражена одна из присущих человеку той эпохи форм восприятия времени — как линейного. Оно было строго отграничено началом — сотворением мира — и концом — Страшным судом. Таким образом, не только жизнь отдельного индивида, но и история всего человечества, развертываясь во времени, неуклонно движется к своему завершению — концу света.

Существовало и иное восприятие времени — как циклического, поскольку «в аграрном обществе время определялось прежде всего природными ритмами»³⁹ — сменой сельскохозяйственных сезонов.

---

³⁷ Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М., 1967. Чистилище, XI, 106-108.

³⁸ Идеи эстетического воспитания / Сост. В. П. Шестаков. М., 1973, т. I, с. 240.

³⁹ Гуревич А. Я. Указ. соч., с. 84.

/27/

Отсюда — общее представление о повторяемости событий. История как бы движется по замкнутому кругу. Поколения людей сменяют друг друга, а сами люди, их образ жизни, окружение не меняются; человек, исходя из своего взгляда на мир вообще и на время в частности, поступает так, как ему предписывает традиция. Столь большая роль традиции непосредственно связана с общими условиями жизни, прежде всего экономическими: темп развития средневекового общества был замедленным, и люди жили рутинной жизнью, не замечая перемен вокруг себя и в себе самих. Поэтому они не ценили времени.

Уже в XII — XIII вв. в Западной Европе, и прежде всего в Италии, вследствие роста городов и развития экономики понемногу меняется отношение ко времени. Как линейное, так и циклическое понятия времени становятся неприемлемыми для городского общества. В XIV — XV вв., когда темп жизни делается напряженным, люди начинают замечать, как быстро и неумолимо бежит время, и стремятся предельно полно использовать его. Теперь оно является одним из факторов успеха задуманного дела, обогащения. «Время — дорого стоящая вещь для купцов», — замечает один флорентиец XV в.⁴⁰ Знатная флорентийка предшествовавшего столетия выразительно пишет сыну: «Тот, кто располагает временем и рассчитывает иметь время в будущем, теряет время»⁴¹. В XIV в. на городских башнях итальянских городов появляются незадолго до того изобретенные механические часы, отбивающие каждый час суток. Во Флоренции такие часы устанавливаются в 1329 г.

Главной причиной иного восприятия времени было появление новых ценностных ориентиров, связанных с коренным изменением картины мира. В средневековой системе мирозерцания

история мыслилась лишь как история бесконечной цепи поколений. Человек растворялся в ней, терял свое самодовлеющее значение. Отныне положение изменилось. «Понимание значимости времени пришло вместе с ростом самосознания личности, начавшей видеть в себе не родовое существо, а неповторимую индивидуальность, то есть личность, поставленную в конкретную временную перспективу и развертывающую свои способности на протяжении ограниченного отрезка времени, отпущенного в этой жизни»⁴².

---

⁴⁰ Цит. по: *Gage J.* Op. cit., p. 57.

⁴¹ Цит. по: *Bec Ch.* Op. cit., p. 319.

⁴² *Гуревич А. Я.* Указ. соч., с. 137.

/28/

«Кто умеет пользоваться временем, является господином всего, что он пожелает», — заявляет Леон Баттиста Альберти⁴³. Двигателем прогресса становится человек. Время, которым он располагает, ограничено: между тем ему надо успеть многое свершить, и не только свершить, но и насладиться тем, что может дать ему жизнь, Он не живет более в ожидании конца своей жизни и конца человечества: он живет настоящим — единственным, что приобретает в его глазах подлинную ценность. И ему свойственно обостренное сознание новизны, всего, что его окружает, открывшихся перед ним путей, которые он может сам выбирать.

* * *

Говоря о социальных предпосылках новой культуры, мы должны избегать упрощения. Культура не являлась и не могла являться простым откликом на потребности и запросы горожан, ее содержание не ограничивалось выражением их мироощущения философскими, научными, художественными средствами. Торжество бюргерского — или, скорее, раннебуржуазного — практицизма не только в сфере конкретной повседневной деятельности, но и в сфере мироощущения, отношения к кардинальным жизненным проблемам отнюдь не означало узости и ограниченности гуманистической мысли. Культура в конечном счете связана с экономическим базисом, порождена конкретной действительностью, но не вырастает из нее непосредственно; ее развитию присущи собственные, весьма специфические законы.

Взгляды пополанов (в первую очередь их наиболее развитой части, ранней буржуазии) преломлялись в сознании ренессансных мыслителей, воспринимавших их, как мы увидим, по-своему, в сублимированном виде. В то же время Возрождение являлось качественно новой ступенью в развитии культуры и питалось — осознанно и неосознанно — всем духовным наследием, перерабатывая его и включая в измененной форме в собственную культурную систему. Ренессансная культура в свою очередь оказывала воздействие на развитие общества — того общества, которое ее породило, ибо» она воспринималась более или менее широко слоями горожан. Разумеется, идеи гуманистов были наиболее близки раннебуржуазным

---

⁴³ *Alberti Leon Battista.* I libri della famiglia / A cura di R. Romano e A. Tenenti. 2 ed. Torino, 1972, p. 261.

/29/

и состоятельным пополанским кругам, прежде всего по своему содержанию, но также и потому, что в той усложненной форме, в какой эти идеи выражались в философских трактатах, они были доступны лишь людям образованным. Волевые и энергичные пополаны высоко ценили искусство, увлекались философией, литературой, историей. Из их среды вышли многие гуманисты.

Однако несомненно и то, что гуманистический строй мышления не мог не повлиять на всю толщу торгово-ремесленной массы, от которой городская верхушка не была жестко отграничена

вследствие мобильности социальной структуры городского населения. Такой строй мыслей был созвучен интересам и исканиям этих людей, также значительно затронутым происходившими социальными сдвигами, — людей, умственный горизонт которых заметно расширился. Сама неразвитость новых социально-экономических отношений, породившая столь своеобразную систему идей и культуру переходного периода, облегчала их восприятие в обширной среде городского населения. Спектр воздействия на них Возрождения расширялся и потому, что Ренессанс впитал в себя не только античную культуру, но и средневековую в разных ее аспектах. Так, новая культура питалась и народными истоками. Жизнелюбие, насмешка над монахами и хищными сеньорами были в значительной мере унаследованы горожанами от средневековья, когда они находили выражение в народном творчестве, поэзии вагантов, праздничных представлениях на площадях и пр. Литература Ренессанса носила более демократический характер, чем философия или филология. Необычайно популярно было имя Данте. Об этом свидетельствует, в частности, большое число устных народных рассказов о нем, порой основанных на правде, порой — на вымысле (эти рассказы были позднее обработаны Боккаччо, Саккетти и другими новеллистами). Само широкое распространение новеллы — жанра, возникшего на пороге Возрождения, не случайно; сформировавшись на основе фольклора, она многим была обязана и произведениям ученых-гуманистов. Антиаскетическая направленность, злободневность характера новеллы, отражавшей кипучую жизнь города, — все это способствовало ее популярности среди горожан.

Сферой, наиболее близкой всему населению итальянского города этих столетий, было искусство, глубоко выразившее духовное начало Возрождения.

/30/

Искусство не замыкалось в узких рамках двора тирана или кружка гуманистов. Построенные в новом стиле и украшенные великолепными фресками и статуями церкви, правительственные здания и дворцы определяли облик города. Подчас фресками покрывались и наружные стены домов. В устраивавшихся нередко конкурсах между живописцами, скульпторами или архитекторами — судьями выступали сами горожане. Образы искусства, близкие их умонастроению, как бы вошли в их повседневную жизнь. «Кто может отрицать, что живопись присвоила себе самое почетное место во всех областях — общественных и частных, светских и духовных?», — писал Альберти⁴⁴. В искусстве могли полнее всего выразить себя творческие способности народа. Более всего выходцев из широкого слоя небогатых горожан было именно в среде художников и скульпторов.

Правда, гуманисты своими блестящими книгами и всей многогранной деятельностью обычно заслоняют от нас множество людей, сохранивших в основном патриархальные жизненные устои и тип мышления, но заслоняют именно потому, что облик эпохи определили не эти люди, а те, кто отвергал традиционные воззрения. Так в Италии создавался психологический климат, необходимый для формирования культуры Возрождения.

---

⁴⁴ Альберти Леон-Баттиста. Десять книг о зодчестве. М., 1937, т. II, с. 40.